

Пролог

ХАРЬКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ, СЕЛО ЛЕШКИ, 1896 ГОД

— Прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, — протяжно и весомо выводила каждое слово молитвы Святому Духу бабушка Фрося. Ее тонкие губы едва заметно шевелились, и казалось, голос звучал сам по себе изнутри ее сухонького тела. Родя вторил бабушке, произнося непонятные слова, но не вникал в их смысл. Сколько себя помнил, каждое лето он проводил у бабушки в деревне Лешки, и с приездом туда начиналась иная, непохожая на городскую, жизнь. Родя с удовольствием расставался с тесной формой ученика реального училища, надевал широкие домотканые льняные штаны, светлую рубаху навывпуск, картуз, подпоясывался узеньким ремешком из свиной кожи и уже ничем не отличался от деревенских сверстников, разве что кожаными сандалиями, предметом их зависти, легкими, удобными и везде проходимыми. В селе было совсем не так, как в городе, понятном и простом, где даже опасность имела конкретное лицо: мчащиеся по улицам механические экипажи, извозчичы пролетки, а хуже всего было встретить школьного инспектора в неподобающем для ученика месте — это грозило наказанием вплоть до карцера.

В деревне подстерегающих опасностей было куда больше, чем в городе. Их грозные лики хорошо известны из рассказов деревенской ребятни, то и дело сталкивавшейся с ними лицом к лицу. Мальчишки рассказывали об этом по большому секрету, дрожащими от страха голосами. Невидимая опасность будоражит кровь, заставляет все время помнить о ней и не отходить далеко от дома после заката

солнца, когда воздух в преддверии темноты сгущается, становится молочно-серым, а лес и торфяные болота словно приближаются, окружая село плотным враждебным кольцом. Вот тогда в компании Мишки-поповича, куда был милостиво допущен Родя, на завалинке возле бани начинали рассказывать бесконечные ужасные истории о воскресших мертвецах, вероломных духах и кровожадных оборотнях.

Из пруда возле почерневшей от времени деревянной церквушки со старинным кладбищем, где уже давно никого не хоронили, так как место плохое, проклятое, безлунными ночами выходили утопленники, все в длинных, до пят, светящихся белых саванах. Старшие вели младших за руку, а возглавляли эту процессию звонарь Федор, удавившийся минувшим летом на колокольне, и черный поп Амвросий. Настоящей истории черного попа не знал никто. Рассказывали ее по-разному, расходясь во мнении, за какой именно смертный грех он получил в наказание вечное беспокойство. Уже и риза на нем почти истлела, и черви обглодали его плоть, копошась белыми клубками в пустых глазницах, а он все водил страшный хоровод, предупреждая православных христиан, чтящих слово Божье, звоном колокольчика. Но нехристь или закоренелый грешник не мог услышать звона того колокольчика, и тогда его захватывала процессия и он отправлялся с нею в злоеший пруд...

Родя и в дневное время старался обходить пруд стороной, один только раз набрался храбрости и, приблизившись к нему, сразу же убоился тяжелой черной воды, заросшей у берегов плотной зеленой ряской, лилиями и желтыми кувшинками.

А в речушке Курловке, небольшой, с быстрым течением, обитал водяной, выжидая удобного случая, чтобы схватить неосторожного купальщика, увлечь в омут и в дальнейшем пополнить им процессию из пруда. Поэтому Родя, памятуя

наставления бабушки, заходил в воду лишь по пояс, с головой не окунался, на другой берег не плавал, хотя силенок переплыть пруд явно хватило бы. И в лес за ягодами-грибами он по совету бабушки ходил лишь с большой ватагой ребят, так как там безобразничал леший, норовя заманить неосторожных путников в непроходимые дебри, а то и на топкое, гибельное болото. Но опаснее всего считались бесы, так как они могут принимать облик человека, а то и проникать в мысли, нашептывая лукавые советы с целью погубить христианскую душу.

С недавних пор на окраине села под личиной студента Николая Сиволапцева, неизменно, даже в жаркую солнечную погоду одетого в наглухо застегнутый черный студенческий мундир, с черной же фуражкой на голове, поселился бес. Его лицо обрамляла редкая куцая бороденка, а на переносице сидели круглые стекляшки-очки, под которыми прятались колючие глаза-льдинки непонятно какого цвета, так что даже боязно было в них заглянуть. Подобных студентов в губернском городе, где жил Родя, пруд пруди, но в этом было нечто пугающее, и когда попович Мишка выявил в нем затаившегося беса, Родя безоговорочно поверил ему.

Как бы то ни было, но с появлением студента размеренная жизнь деревеньки была нарушена, стало ощущаться тревожное напряжение, как будто должно было произойти что-то нехорошее и страшное. Студент был человеком замкнутым, старался оставаться незаметным, корчму не посещал, ни с кем из местных жителей не сближался, но в разговоры охотно вступал и открыто вел крамольные речи. Из-за этих вольностей большая часть собеседников тут же сбегала, хотя находились и такие, кто по недомыслию продолжал беседу, поддаваясь бесовскому словоблудию. Речь его была насквозь пропитана ядом, отравляла слух и душу. Беды, случившиеся в деревне, стали связывать со студентом: пропало ли молоко у коровы, подавила ли кур лиса, пропил ли кто все

деньги, вырученные торговлей на базаре, расстроилась ли помолвка, скакнул ли кто в гречку — все это считалось бесовскими происками! Старухи сокрушались и твердили, что в прежние времена в деревне подобное проживание беса в человеческом обличье было бы невозможным: мужики этого не потерпели бы, разобрались бы с ним. Но перевелся, измелчал мужик, стал слишком боязлив и ленив.

Бабушка постоянно наставляла Родю: «Если нет Божьей защиты, то бесы беспрепятственно проникают в человека. Бесы живут там, где им есть место. Человек, греша, готовит им такое место. Где грех, там и они. Запомни, Родя: приступая к чему-либо, вначале сотвори соответствующую молитву». Она заставила мальчика выучить множество охранных молитв, призванных уберечь его, если вдруг нечистая сила возникнет на пути. Поэтому, увидев высокую, сутуловатую фигуру студента-беса, Родя чувствовал себя уверенно под оберегом охранных молитв «Для защиты от нечистой силы», «Против демонских козней», «К Господу, против чародейства», про себя нашептывая то одну, то другую.

Полицейский чиновник вместе со старостой сельской общины Дорофеевым определил ссыльного студента в заброшенную избу, стоявшую на окраине села. Несколько лет тому назад цыгане-конокрады порешили там хозяина и его семью, не вовремя вышедших ночью на шум в конюшне. Снедаемые любопытством, сельские ребята стали наблюдать за студентом, и им предоставилась возможность воочию убедиться в том, что он бес и колдун. Они увидели в его доме приспособления для изготовления колдовских снадобий: стеклянные колбы с разноцветной жидкостью, кипящей без огня, всякие прозрачные и резиновые трубочки, тигельки и зловонный дым, далеко не фимиам. А ведь известно: где бес, там серой воняет!

«Вот оно, бесовское занятие!» — с важным видом определил Мишка-попович. Родя хотел было сказать, что это

похоже на химическую лабораторию, как в училище, но заробел выступить супротив Мишки. Тот был в большом авторитете у ребят, во время праздничных и воскресных церковных служб пел в церковном хоре, мечтал поступить в семинарию и по окончании оной принять монашеский постриг. Однако это не мешало Мишке то и дело озорничать, подбивая за компанию и других ребят, за что был неоднократно бит розгами отцом, сельским священником Ираклием, и стоял голыми коленками на горохе. Родя как-то в отсутствие бабки рассыпал горох на полу и сам попробовал испытать сию муку, но и минутки не смог выстоять. Бо-о-льно!

Когда Родю навестил отец, Константин Константинович, привезя из города разные сладости, то он рассказал ему про студента-беса. Отец лишь улыбнулся и высказал свое мнение: по-видимому, это студент-химик и к нечистой силе никакого отношения не имеет.

— Он в церковь не ходит! — поддержала внука бабушка Фрося, осеняя себя крестным знамением. Ее иссеченное морщинами лицо нахмурилось: сынок живет в городе, а не понимает таких простых вещей.

— К сожалению, среди молодежи стало весьма модно причислять себя к атеистам и нигилистам, — тяжело вздохнул отец. — А без веры нельзя — тогда беспорядок в делах и умах людских.

— Я же говорю, бес он! — непримиримо поджала губы сухонькая старушка, и Константин Константинович, зная упрямый нрав матери, поспешил перевести разговор на другую тему.

Робкие возражения отца избавили Родю от последних сомнений в бесовской природе ссыльного студента.

— ... Избави мя от всех навет вражиих, от всякаго колдовства, волшебства, чародейства и от лукавых человек, да не